

Юношеская любовь — пылающая, безрассудная, обжигающая. Восемь месяцев — самые счастливые в его восемнадцатилетней жизни. Восемь месяцев, когда вдохновение струилось через кончики пальцев, позволяя ему держать кисть в руке, создавать, дышать. Последний год, когда он мог рисовать.

Фу Гэ впервые увидел Ци Ханя тёплым летним вечером.

Солнце заливало кирпично-красную беговую дорожку, ветер срывал с ветвей белые цветы боярышника. Он быстро шагнул мимо баскетбольной площадки, за спиной болтался холщовый ремень от мольберта, а на коленях, обнажённых под шортами, выступил тонкий слой пота.

Он не ел целые сутки. Просидел в студии день и ночь, не замечая времени, и только выйдя на улицу, понял, что всё кружится. В глазах потемнело, тело качнулось.

Он даже не успел осознать, что падает.

А потом мимо его виска пронёсся баскетбольный мяч. Слишком быстро, он не успел увернуться. Шатаясь, начал заваливаться набок, но в следующий миг его запястье крепко перехватили, и он, не успев понять как, рухнул в горячие, пропитанные потом объятия.

Поднял глаза и увидел его.

Лето, зной, раскалённый воздух — и силуэт юноши в мокрой баскетбольной майке.

Ци Хань.

— Ты в порядке?

Капля пота стекала по его подбородку, но ладонь, коснувшаяся лба Фу Гэ, оказалась неожиданно прохладной. От этого прикосновения внутри будто пробежала дрожь.

— Глаза у тебя вроде ясные, а ходишь как в тумане. Ты что, солнечный удар получил? Ох, да ты и правда бледный.

Фу Гэ не мог ответить, он просто смотрел, как тот поднимается, подаёт знак команде.

— Перерыв десять минут!

Мощный силуэт на фоне солнечного неба: широкие плечи, высокий нос, натянутая майка, подчёркивающая чёткий рельеф мускулов. Его лицо — слишком выразительное, слишком резкое.

Мир поплыл перед глазами и в следующий момент ноги оторвались от земли.

Ци Хань просто взял и поднял его на руки.

— Медпункт в выходные не работает. Придётся обойтись тем, что есть.

Фу Гэ не успел даже возразить — его уже несли к бассейну.

Ци Хань аккуратно намочил его лоб холодной водой, а потом тщательно вымыл руки.

— Шоколад ешь?

— ...Что?

Не успел Фу Гэ ничего сказать, как к его губам уже поднесли кусочек шоколада. Ци Хань держал его за упаковку и спокойно сказал:

— Ешь.

Фу Гэ застыл, чувствуя, как краснота заливает лицо и расплзается по всему телу, словно аллергическая реакция. Он с трудом выдавил:

— С-спасибо... Я сам могу...

— У тебя руки все в краске.

Фу Гэ неловко поджал пальцы и, опустив взгляд, послушно откусил от шоколада. Но лето было слишком жарким, и шоколад таял слишком быстро, превращаясь в липкую плёнку на обёртке. Он попробовал слизнуть растаявшую сладость, но ощущение оказалось странным — будто он не упаковку касается губами, а самих пальцев Ци Ханя, только отделённых тончайшим слоем плёнки.

— Ешь нормально, — голос Ци Ханя прозвучал ровно, почти строго, но его рука не шелохнулась.

— М-м? — Фу Гэ непонимающе моргнул, чувствуя себя почти провинившимся. — Я нормально ем.

К последнему кусочку шоколад окончательно растёкся, и липкие капли стекали вниз. Фу Гэ испугался, что запачкает его руку, и, не раздумывая, быстро провёл языком по краю упаковки, стараясь собрать остатки. В тот же миг шоколад скользнул между пальцев Ци Ханя, и Фу Гэ,

следуя движению, случайно задел языком его суставы.

Ци Хань дёрнул руку, будто его ударило током, а упаковка с тихим шорохом упала на землю. Они одновременно подняли глаза, их встретились — один вспыхнул от стыда, другой от раздражения на самого себя. В груди обоих царил хаос.

Ци Хань провёл рукой по волосам, развернулся и, не говоря ни слова, ушёл.

Фу Гэ прислонился к стене, наблюдая, как тот стремительно возвращается на площадку. В следующую секунду первый же мяч идеально попал в кольцо соперника, словно весь этот взрыв эмоций трансформировался в точность его броска.

Перерыв закончился, над бассейном опустился дождь белых цветов боярышника.

Именно тогда Фу Гэ понял, что десять минут могут быть невыносимо короткими. Короткими, как вспышка первой влюблённости.

Ни один художник не может не любить свою музу. А если может, значит, просто ещё её не встретил.

С того дня все юноши, выходявшие из-под его кисти, вдруг обрели один и тот же облик, а все потоки вдохновения наконец обрели своё русло. Он не знал, как признаться в чувствах, и прятал их в мазках.

Как раз в это время учитель из художественного клуба запустил челлендж: рисовать закат сто дней подряд. Фу Гэ получил идеальную причину каждый вечер приходить на баскетбольную площадку. Только вот, пока остальные рисовали закат, он рисовал того, кто сиял ярче.

Боярышник расцветал, плодоносил, сбрасывал листву. Прилив поднимался, отступал, окрашивая горизонт в алый.

Целый год, с весны до зимы, день за днём, Фу Гэ рисовал Ци Ханя. Триста шестьдесят пять дней, пока внутри не скопилось достаточно храбрости, чтобы, сжимая в руках толстую стопку рисунков, наконец признаться в чувствах.

Но, поднявшись по лестнице, он услышал голос Ци Ханя.

— Больше всего ненавижу Бет.

Слова прозвучали отчётливо, чётко, без намёка на шутку.

Фу Гэ застыл.

Он стоял, вцепившись в уголок альбома, и не мог пошевелиться. Голова вдруг опустела, мысли спутались, а сердце сжалось в болезненный комок. Он так и не смог сделать шаг вперёд.

Рисунки остались при нём. Признание так и не было сказано а первую влюблённость смыло, не оставив следа.

Фу Гэ больше не приходил на баскетбольную площадку. Челлендж с закатами провалился, а нескончаемый поток вдохновения вдруг иссяк, словно кто-то перекрыл его в одно мгновение.

Он думал, что всё кончено. Но через месяц Ци Хань неожиданно появился в их художественном классе — в качестве натурщика для уроков по анатомическому рисунку.

На первом же занятии всё пошло наперекосяк.

Фу Гэ сначала порезал бумагу канцелярским ножом, потом сломал грифель, а под конец неуклюже задел банку с краской, уронив её прямо на себя. Испачкав губы и подбородок, он тут же сорвался с места и убежал в уборную, пытаясь хоть как-то привести себя в порядок.

А когда вернулся — влетел прямо в объятия модели.

В классе раздался взрыв смеха.

Фу Гэ горел от стыда, а когда поднял голову, то увидел, как Ци Хань слегка сжал его мочку уха, показывая краску, оставшуюся на пальцах.

— Ты как кошка, — с улыбкой сказал он. — Пока рисуешь, успеваешь ещё и озорничать.

Фу Гэ замер.

Только-только успокоившееся сердце снова забилося так сильно, что в груди поднялась волна.

Но он помнил, кто он. Помнил, что не имеет права чувствовать больше, чем должен.

Думал, что они больше не пересекутся.

Но в день выпускного всё пошло иначе.

Ци Хань внезапно вошёл в период повышенной чувствительности. Фу Гэ, не раздумывая,

перемахнул через подоконник и спрыгнул в коридор.

Шокированные одноклассники и учителя только успели ахнуть, но он не обращал внимания. Он просто мчался вперёд, не оглядываясь, взлетел по лестнице и ворвался в студию на третьем этаже.

Дойдя до двери, Фу Гэ всё ещё не понимал, зачем он здесь. Какое он имеет право? Какое у него есть оправдание?

Но задуматься об этом не успел.

Стоило только приоткрыть дверь, как он увидел, что Ци Хань сидит на его столе... и лихорадочно мастурбирует.

Фу Гэ в свои восемнадцать лет никогда не видел ничего подобного.

Казалось бы, нарушителем был другой человек, но он сам почувствовал себя вором, украдкой юркнув за дверь.

Внутри, за тонкой стеной, альфа дышал всё тяжелее, всё громче, низкий голос срывался на сиплые выдохи. Фу Гэ сжался, опустился на корточки, прижав колени к груди, и спрятал голову.

Всего одна стена, всего несколько шагов. И человек, которого он любил, прямо сейчас думал о нём, пытаясь унять жар, захлестнувший тело.

Фу Гэ едва не кинулся в комнату.

Но не решился. Вдруг он ошибается? Вдруг это просто совпадение?

Альфа во время чувствительности становится раздражительным, тревожным, а главное — слишком восприимчивым к любым желаниям. Фу Гэ решил просто подождать, а потом сделать вид, что только что пришёл, вручить ингибитор и сразу уйти.

Но одним разом всё не закончилось. Ци Хань даже не думал останавливаться. Напротив, его действия становились всё более... личными.

Он вытащил из стола школьную форму Фу Гэ, аккуратно положил её перед собой, наклонился и уткнулся в ткань лицом.

А затем откинул голову назад, облокотившись на спинку стула. Грудь содрогалась, плечи

вздрагивали, а из горла вырывались сдавленные, похожие на всхлипы звуки.

Он плакал и задыхаясь, сквозь зубы шепча слова, полные отчаяния.

— Фу Гэ, ты лжец... Четыре месяца позировал тебе, а ты даже имени моего не запомнил! Х**, кто такой Х**?! Меня зовут Ци Хань...

Фу Гэ, сидя за дверью, почувствовал, как его всего охватывает жар. Он спрятал лицо в коленях и прошептал, так тихо, что сам едва услышал:

— Я помнил... просто не смел писать.

Ведь если бы он вывел эти два иероглифа на бумаге, если бы зафиксировал их чёткими, уверенными линиями, то больше бы не смог рисовать, потому что каждое его произведение превратилось бы в признание.

А за дверью, в комнате, Ци Хань говорил всё тише, но слова его становились всё более надломленными, всё более горькими.

— Это ведь ты меня заманил, ты первым меня тронул, ты... ты... ты первый лизал мои пальцы... ты приходил каждый день... ты смотрел на меня так, что у меня внутри всё горело... а потом... потом, когда я наконец собрался с духом... когда я готовился, готовился так долго, чтобы признаться тебе... ты просто взял и выбросил меня, как будто я не нужен.

Фу Гэ закусил губу, сжав руки в кулаки.

— Это ты сказал, что ненавидишь бет, — его голос был едва слышен, но внутри всё дрожало. — Я тоже столько готовился. Я тоже хотел признаться. Столько... столько рисунков...

Внутри Ци Хань всё ещё всхлипывал.

— Ты бросил меня... Ты предатель... Я стоял перед тобой голый, а ты даже не посмотрел... Ты даже имени моего не знаешь...

Голос его срывался, становился всё тише, пока он не обмяк, уткнувшись в стол, выбитый из сил.

— Малыш Гэ... Мне так плохо... Обними меня... Просто дотронься...

Как только слова слетели с губ, он тут же пожалел о них.

— Нет. Нет, лучше не надо... Если ты подойдёшь, я точно не сдержусь. Я трахну тебя до слёз.

Грудь судорожно вздымалась, голос дрожал, а вместе с ним дрожал и воздух вокруг.

— Я... Я покрою тебя своим запахом с головы до пят. Я... Я... я оставлю на тебе метку... Прямо на твоих руках, на тех самых, которыми ты рисуешь, я выжгу там своё имя... Тогда посмотрим, посмеешь ли ты снова назвать меня этим «Хх»...

Именно в этот момент Фу Гэ вошёл.

Он закрыл дверь, повернул замок и остановился позади него. В груди громко билось сердце, колени дрожали, но он нашёл в себе силы произнести:

— Если... Если я скажу твоё имя... Ты сделаешь со мной всё это?

Ци Хань подскочил, будто его ударило током.

Он вытаращил глаза, паника нахлынула мгновенно, разом отрезвляя.

Даже штаны натянуть не успел.

— Фу Гэ... я... я не...

И в следующую секунду он рванул к выходу, даже не попытавшись объяснить.

Но Фу Гэ сжал пальцы на его запястье, не давая уйти.

— Ты опять собираешься убежать?

Ци Хань всхлипнул, дёрнулся, пытаясь вырваться, но его пальцы лишь крепче сжались в рукавах Фу Гэ.

— Я... Я сделал с тобой такую ужасную вещь... а ты всё ещё... всё ещё разговариваешь со мной? Ты ведь даже... даже моего имени не знаешь...

Фу Гэ молча шагнул к шкафчику, рывком распахнул дверь, и в ту же секунду на пол высыпались сотни рисунков, покрыв собой каждую свободную пядь.

На всех без исключения был Ци Хань.

— Я боялся писать твоё имя.

Фу Гэ сжал кулаки, тело его дрожало, но голос звучал твёрдо.

— Но в своей голове я повторял его тысячи, миллионы раз.

Ци Хань смотрел на него расширенными глазами.

А затем будто слетел с катушек. Он взорвался, кинулся вперёд, обхватил его, повалил на покрытый рисунками пол, сбивая дыхание смехом и рыданиями.

— Ты... Ты любишь меня?..

Он кусал губы Фу Гэ, прижимался к его горлу, ловил ладонь и прикладывал её к своей груди, к бешено колотящемуся сердцу.

— Как ты мог не понять?..

Ци Хань тихо выругался, резко наклонился и прижал Фу Гэ к себе, впиваясь зубами в его шею. Даже если у беты нет железы, феромоны всё равно проникали в кровь, расходились по венам, заполняли всё тело, заставляя каждый нерв пылать жаром.

Боль, острое ощущение вторжения, странное, липкое удовольствие оттого, что его метят — всё смешалось, накрывая лавиной. Фу Гэ задыхался, тонкие стоны срывались с губ, он едва держался на ногах, охваченный чужим запахом, которым его пропитывали до основания.

Ци Хань схватил один из рисунков, небрежно поднял край его рубашки и прижал бумагу к его груди, будто пытаясь напечатать его образ прямо на коже.

— О чём ты думал, когда рисовал меня?

Фу Гэ приоткрыл губы, но голос не послушался его, в горле было слишком сухо, в голове слишком шумно, тело слишком сильно дрожало.

Ци Хань перевернул его, толкнул на стол, впечатывая ладонями в древесину, прижался ближе, так, что их дыхания перемешались, а потом с какой-то странной, болезненной нежностью прошептал прямо в ухо:

— Маленький Гэ... Я буду любить тебя всю жизнь.

Фу Гэ сжал его плечи, провёл ладонями по его коже, жадно вбирая в себя его тепло, и едва

слышно выдохнул:

— Я тоже.

На следующий день после выпускного, когда сотни пар прощались друг с другом, расходясь навсегда, они, напротив, нашли друг друга. Они никому не сказали, не стали делиться этим ни с друзьями, ни с родными, просто собрали вещи и уехали, запланировав путешествие, в котором не будет никого, кроме них двоих.

Они отправились в Литанг, где смотрели скачки и смеялись, чувствуя себя свободными, словно ветер, потом поднимались к стенам дворца Потала и молились, не зная, о чём именно, просто чувствуя, что так нужно. На бескрайних пастбищах гладили овец, под шерстью которых висели крошечные мешочки с благовониями, а у холодной горной реки делили между собой твёрдую, пропитанную бараниной лепёшку, по очереди откусывая куски.

Фу Гэ никогда не думал, что любовь может быть настолько захватывающей, настолько сильной, что буквально взрывает все его сознание. Его вдохновение достигло пика, кисть скользила по холсту с невиданной лёгкостью, образы рождались один за другим, выливаясь в десятки законченных работ. И среди них был один рисунок, который он вынашивал в себе больше года.

Дизайн мужского обручального кольца.

Работа оказалась настолько удачной, что принесла ему победу на престижном ювелирном конкурсе, но этот успех затмевало нечто более важное.

Он помнит, как держал в руках это кольцо, как смотрел на него, зная, что оно предназначено только одному человеку. Помнит, как предложил ему руку, как с горящими глазами планировал грандиозную помолвку, представляя каждый её миг, каждый взгляд, каждый момент.

Он помнит, как без остатка отдал всё, что имел. Всю свою любовь, горячую, искреннюю, всепоглощающую.

А потом всё рухнуло.

Они были самой молодой парой, стоявшей у алтаря, и в то же время самой абсурдной.

Ведь в день церемонии Ци Хань вошёл в церковь не с кольцом, а с полицейскими.

В тот момент, когда Фу Гэ думал, что всё только начинается, его родители были арестованы, а вековая империя семьи Фу рухнула в одно мгновение, исчезнув, словно песок, рассыпающийся под ногами.

Два человека в белых костюмах, два жениха. Один оказался слугой правосудия, другой — сыном преступников.

Фу Гэ даже не успел осознать, что происходит, как ему зажали рот, лишая возможности кричать, и увели вниз, заперев в тёмном месте.

Четырнадцать дней плена, боли, ломки, крика, тишины. И когда его наконец выпустили наружу, мир уже был другим.

Всё его прошлое было сожжено дотла.

Ци Хань, не глядя ему в глаза, лист за листом, бросал в огонь все его рисунки. Один за другим. Фу Гэ видел, как в пламени исчезают его работы, его вдохновение, его любовь, но не мог даже разглядеть лицо того, кто это делал. В воздухе кружились хлопья пепла, гасли угольки, а между ними раздавался холодный, насмешливый голос:

— Ты ведь не думал... что я правда тебя любил?

Ци Хань усмехнулся, холодно, безжалостно, будто слова, которые он собирался сказать, не имели никакого веса.

— Фу Гэ, ты и твоя любовь для меня не стоите и гроша.

Кольцо с глухим стуком упало на пол. Оно покатилося по камню, сверкая в отблесках огня, а затем затихло. Ци Хань, словно одержимый, раздавил его ногой, вместе с ним топча всё, что Фу Гэ когда-либо в нём видел.

Фу Гэ висел в цепях, прикованный к кровати, и смотрел, как его муза разрушает всё, во что он верил.

Они знали друг друга два года, восемь месяцев и четырнадцать дней. Но только эти последние четырнадцать дней были настоящими.

Остальное — ложь. Продуманная, выстроенная по шагам, исполненная без единого промаха.

После этого он больше никогда не брал в руки кисть. После этого он больше не смог вспомнить того мальчишку в лучах заката, на фоне тихого бассейна, среди белых цветов боярышника.

— Маленький Гэ? Маленький Гэ!

Голос, полный беспокойства, пронзил пространство, вытаскивая его из кошмара.

Фу Гэ резко открыл глаза. Его пальцы вцепились в чужую руку, ногти до боли впились в кожу, и он понял, что снова ошибся.

— Это вы... господин?

Ци Хань облегчённо выдохнул, тут же обнял его, притягивая ближе, скрывая в своём тепле.

— Я просто вышел за водой... а потом увидел, как ты дёргаешься во сне, кричишь, размахиваешь руками... Опять кошмар?

— Да, опять он.

Руки Ци Ханя слегка напряглись. Он отпустил его, отошёл к столу, наливая воду, и, стараясь сделать голос непринуждённым, спросил:

— Лицо... ты вспомнил, как он выглядит?

Фу Гэ тяжело дышал, глядя в потолок, потом покачал головой.

— Нет. Но я видел кольца.

Стакан в руке Ци Ханя дрогнул, лёгким «дзинь» стукнулся о столешницу, вода выплеснулась. Он быстро отвёл взгляд, сунул руку в карман и сдёрнул с шеи цепочку, скомкав её в кулаке.

Две простые мужские обручальные полоски коснулись его ладони.

— Какие кольца? — он налил новую порцию воды и передал Фу Гэ.

Фу Гэ задумался, будто разглядывая детали образа из сна.

— Простой дизайн, гладкий ободок, по краю — дорожка из маленьких бриллиантов... Я Я сам их спроектировал... В то время они мне нравились.

Ци Хань долго смотрел на него, а потом поднял руку и аккуратно провёл пальцами по его шее, вытирая липкие капли холодного пота.

Рука скользнула ниже, пальцы пробрались под тонкую ткань пижамы, пока не наткнулись на неровную, застарелую линию, начинавшуюся у основания шеи и уходившую к ключице.

— Нравились, — медленно повторил он. — А потом?

Фу Гэ на секунду закрыл глаза, потом безразлично выдохнул:

— А потом я понял, что у бриллиантов слишком острые грани. Если нажать посильнее, ими можно убивать.

Пальцы Ци Ханя дёрнулись.

— Кого ты хочешь убить?

Фу Гэ смотрел в пустоту, его глаза были неподвижны, застыли в каком-то далёком, недостижимом месте.

Ци Хань снова спросил, осторожно, почти неслышно:

— Его?

Тишина.

— Ты... Ты убил его?

Фу Гэ моргнул. Губы едва заметно дрогнули, но голос, когда он наконец заговорил, был ровным.

— Нет.

В темноте его взгляд казался слишком ярким, почти болезненно ясным, как пламя, оставшееся после того, как сгорело всё остальное.

— Я не смог. Единственное, кого я смог убить... — он медленно вдохнул, — это себя.

Он вырвался из наручников, грубо, раздавливая кости до хруста, сжимая пальцы, пока один из них не сломался. А потом, когда освободил руку, поднял с пола залитое кровью кольцо, сжал его в ладони и без колебаний полоснул себя по горлу.

Ци Хань помнил.

Помнил, как кровь хлынула из его шеи, как мгновенно пропитала его одежду, как хлынула по коже алой рекой, впитываясь в пол, стекая в трещины. Помнил, как держал его, ощущая, как уходит тепло, как дыхание становится тише, как сердце бьётся всё слабее.

И помнил, что он сказал тогда.

— Я никогда тебя не прощу.

<http://bllate.org/book/14453/1278303>